

О ХРОНОЛОГИИ НИКОЛАЯ МОРОЗОВА

В нашей книге мы несколько раз упомянули Николая Морозова, которому отдаем должное как человеку, впервые высказавшему предположение, что николаитов следует толковать как относящихся к партии Николая Чудотворца (см. I.XII.4, с. 381)¹. Однако мы заметили также (в примечании), что Морозов настаивает, что временем создания Откровения Иоанна нужно считать конец IV века. И сие выглядит слишком смелым предположением, причем не в лучшем смысле этого слова. Ниже следующее наше изложение адресовано читателю, который, обратившись к трудам Морозова, считает, быть может, такую датировку достаточно убедительной и не разделяет нашего скептицизма.

Конечно, идеи Морозова критиковали многие. Самой заметной была статья В.Ф. Эрн «Филологизирующий астроном». Но ни он ни другие критики не сказали главного. Быть может, так случилось потому, что они сами относились к аллегорическому методу также, как Морозов к тому, что они почитали за авторитет. Между тем критиковать что бы то ни было имеет смысл только приняв все возможные послышки, которые нельзя опровергнуть. И не следует критиковать мелкие ошибки. Такая критика сама собой станет бесполезной, лишь только мы найдем главную ошибку.

Мы сказали, что Морозов относит время написания Откровения к концу IV века, но на самом деле он конкретизирует эту дату до предела: «30 сентября 395 юлианского года, ни на один день ранее, ни на один день позднее»². Такая точность имеет, по его представлениям, строгое обоснование, хотя это трудно представить, ибо даже переписать текст Откровения за один день — едва ли легкая задача.

Морозов интерпретирует Откровение с чисто астрономической (быть может, лучше сказать, астрологической) позиции: «Апокалипсис ... не толковался до последнего времени только с одной — астрономической — точки зрения, с которой его прежде всего и надлежало бы толковать». Что ж? Вполне приемлемое *мнение*. И правда, какие есть основания возражать, что Откровение Иоанна содержит тайный слой, зашифрованный при помощи планет, созвездий и зодиакальных знаков?!

«Астрологическая канва не только вводит нас в тайны древней астрологии, но и дает возможность с астрономической точностью определить время возникновения Апокалипсиса, посредством указанных в нем (в VI главе) положений планет в различных созвездиях небесной сферы.»

Сразу же автор добавляет: «Я здесь не фантазирую, *и ничего не объясняю иносказательно* [выделено Морозовым], а прямо беру факты, приводимые в Апокалипсисе, как они есть». Морозов не однажды стремится уверить читателя, что его толкование не только бесконечно далеко от иносказательного, но и вовсе не является толкованием, а прямым изложением *фактов*: «Напрасно говорят мне мои критики, будто я „толкую“ образы Апокалипсиса „в смысле грозových и астрологических картин“. Я здесь не *толкую* [выделено Морозовым] ровно ничего, я только буквально понимаю то, что читаю, да и их именно прошу и убеждаю делать то же самое: пусть они попытаются читать Апокалипсис так, как они читают *всякую другую книгу* [выделено нами], а не *толкуют иносказательно* [выделено Морозовым] того, что совершенно ясно лишь при буквальном понимании и становится похожим на бред сумасшедшего при всяких иносказательных толкованиях»; «Иносказательные толкования пора, наконец, совершенно оставить при изучении Апокалипсиса и вообще принимать все выражения этой книги буквально, как мы понимаем их *во всяких других обычных книгах* [выделено нами].»

Гм... едва ли... Сводить Откровение Иоанна к уровню обычной книги — вряд ли приемлемо. Да и что такое «обычная книга»? — «Война и мир»? «Государство» Платона? Учебник по математике? Морозов не вполне честен сам с собой. Ведь замечать, читатель, — стал бы Морозов читать и исследовать Откровение, будь оно обычной «книгой»? Да он и проговаривается: «До тех пор, пока вы смотри-

¹ Этот материал не был включен в первое издание.

² Все цитаты Морозова приводятся по первой книге его монографии «Христос».

те на Апокалипсис, как на простое литературное произведение, {это место} кажется вам только очень поэтическим... Но взгляните на предмет без попыток иносказательного объяснения, примите все в буквальном смысле, и вы увидите, как все здесь становится просто и ясно». Не лучшим образом выстроенная логика, но главное ясно, что даже и в устах самого Морозова Откровение — не совсем «обычная книга».

В высказываниях Морозова об иносказательном толковании Откровения доминируют эмоции. Впрочем, Морозова как человека можно понять ввиду абсолютного произвола множества предшествующих (да и последующих) толкований, действительно напоминающих бред помешанного.

Но, как бы то ни было, Морозов все-таки именно *толкует* Откровение, а вовсе не *прямо* берет факты из него. Действительно, разве Откровение хоть где-то говорит о «стеклянном море» как о небесной сфере? неужели оно *прямо* повествует о четырех животных как о созвездиях?

Но пусть все идет своим чередом. А в догонку мы скажем, что об астральной канве у нас есть замечание и совсем другого рода. Но его мы выскажем в более подходящий момент. А тем временем примем и сам метод толкования Морозова, хотя он и не хочет, чтобы этот метод называли иносказательным.

Итак, мы принимаем правила игры Морозова. Иначе вся наша полемика с ним обращалась бы в спор сидящих на улице детей (ср. Мф 11:16): «Если слон на кита влезет, то кто кого сборт?»

Итак, вернемся к тому, что Морозов считает фактами: «Планеты у древних астрологов очень часто изображались в виде коней. Причиной этому были, *вероятно*, их видимые перемещения скачками между звездами. Благодаря движению Земли вокруг Солнца, пути внешних планет кажутся нам не плавными, кругообразными, какими они являются на самом деле, а зигзаговидными или петлеобразными. Планета сначала быстро бросается вперед, затем останавливается, затем делает попятное движение, снова останавливается и снова делает прыжок вперед...» Ошибка: движение внутренних планет также может быть ретроградным.

Но не станем с этим спорить. Ошибка эта не ослабляет позиции Морозова и не укрепляет позиции его критиков. Будем сквозь пальцы смотреть и на выражение «вероятно», которое весьма неуместно в доказательстве, и на рисунки древних галльских монет с изображением коней, служащие «убедительным» примером. То, что кони символизируют планеты, будем считать если не фактом, то допустимой посылкой в истолковании.

Однако заметим, что вкладывание Николаем Морозовым такого смысла в апокалиптических коней уже является экзегетикой, причем спекулятивной*. Мы тем не менее ничего не имеем против такого приема. Лишь называя факты фактами, спекуляцию — спекуляцией (в лучшем смысле этого слова), а иносказательное толкование тоже называя своим именем. Итак, пусть кони — планеты.

Далее следует привести различных коней и планеты во взаимно однозначное соответствие. Именно к этому и переходит Морозов.

«Вследствие своего огненно-красного цвета, Марс для древних представлялся красным конем; Меркурий, которого почти никогда не бывает видно, — темным; Юпитер и Венера — яркими белыми конями, но отличить этих последних друг от друга большей частью было не трудно, потому что Венера никогда не удаляется от Солнца дальше, чем на одно созвездие... Что касается до Сатурна, то древние изображали его в виде мертвенно-бледного коня, но это не потому, чтобы он отличался мертвенно-бледным цветом... Ничего мертвенно-бледного я в нем не замечал, а потому я думаю, что таким Сатурн был лишь в воображении древних... Сатурн был богом смерти.»

Пока не к чему придираться. Пусть будет так, как *толкует* Морозов. А далее наступает решающий момент. Следующим шагом надо истолковать всадников.

Считая, что Синодальный перевод никуда не годен, Морозов приводит свой перевод: «„И я видел, как Овен снял первую из семи печатей (*т.е. освободилось от облаков со стороны [созвездия] Овна, по-видимому, созвездие Стрельца*) и одно из четырех животных... проговорило мне как бы голосом грома (... *грозы*): Иди и гляди» (ср. Отк 6:1–2). Я [сопоставил] положение звезд, и вот в том самом месте находился (*по астрономическому расчету*) ярко-белый конь (*Юпитер*), а у сидящего над ним (*Стрельца*) был лук и дан ему Венец и вышел он, победоносный, чтобы победить».

Мы не будем высказываться о качестве перевода, хотя нам не совсем понятен, например, смысл замены синодального «смотри» на Морозовское «гляди». Короче говоря, Морозов показывает, что сей стих знаменует тот факт, что на астрологическом языке Юпитер находится в Стрельце.

Читаем толкование далее: «Когда Овен снял вторую печать (*т.е. освободилось от облаков созвездие Персея*), второе животное проговорило: Иди и гляди. И ушел туда, по другую сторону, огненно-красный конь (*Марс*), и сидящему над ним (*Персею*) предоставлено снять мир с земли, чтобы убивали друг друга, и дан ему большой меч» (ср. Отк 6:3–4).

В толковании предыдущего случая Стрелец был „по-видимому“, что в стилистике того времени могло означать «очевидно», «бесспорно». Но появление греческого Персея, скачущего верхом на римском боге войны Марсе, вовсе никак не обосновывается. Выразим наш скептицизм по поводу такого произвола, тем более что сам Морозов против произвольного иносказательного толкования. Но закроем глаза на сей изъяз и будем надеяться, что дальше дела пойдут лучше. А пока заключим, что речь шла о том, что Марс находится в Персее, хоть Персей и не знак зодиака.

Далее: «Когда Овен снял третью печать (*с созвездия Весов*), третье животное проговорило: Иди и гляди. Я взглянул, и вот в том самом месте и находился темный конь (*планета-невидимка Меркурий*), и у сидящего над ним были в руках Весы. И я слышал шум (*ветра?*) посреди четырех животных, говорящих (*планете торговли — Меркурию*): Дневная порция хлеба за динарий, и за динарий же три дневных порции ячменя! Но не вреди ни маслу, ни вину! Когда Овен снял четвертую печать, я услышал звук (*грома?*) от четвертого животного (*со стороны созвездия Пегаса*), проговоривший: Иди и гляди! Я взглянул (*на открывшееся от облаков новое место зодиакальной полосы*), и вот там находился мертвенно-бледный конь (*зловещая планета Сатурн*), а поднимающемуся на него — имя смерть (*Скорпион*), и подземное царство следовало за ним (*Стрелец, Козерог, Водолей и обитатели бездн, Рыбы*), и дана им власть над (*прикрываемой им юго-восточной*) четвертью земли, чтобы умерщвляли там людей мечом и голодом, и мором, и зверями земными» (ср. Отк 6:5–8).

С некоторым запозданием мы отметим, что Морозов полагает Солнце и Луну расположенными в Деве. Это, по его мнению, с несомненностью следует из строк: «жена [единственный знак зодиака женского пола—Дева], облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Отк 12:1).

Опускаем мелкие замечания и подведем, наконец, итоги. «Положения Марса, Юпитера, Сатурна и Меркурия описаны здесь совершенно ясно»: Солнце и Луна находятся в Деве, Марс под Персеем, Меркурий — в Весах, Юпитер — в Стрельце, Сатурн — в Скорпионе.

Наконец, Морозов вычисляет, когда звездное небо могло иметь указанный вид. При этом он предполагает, что «Автор [Откровения] указывает это положение планет для дня своего наблюдения, а никак не для какого-либо грядущего года». Итогом этих-то астрономических вычислений и является заключение, что Откровение создано ни днем раньше, ни днем позже, чем 30 сентября 395 года. Чтобы проверить себя он удостоверится, что этот день — действительно воскресенье.

Картина кажется застораживающей. Однако у нас есть несколько серьезных возражений. Первое: коль скоро Морозов считает допустимым поставить созвездие Персея в один ряд с зодиакальными созвездиями, то аргумент о том, что Дева — единственное подходящее для Солнца и Луны созвездие, теряет силу. Да, это единственный знак зодиака женского рода. Но Персей не знак зодиака, и тем не менее ему нашлось место в построениях Морозова. Почему бы тогда Солнцу и Луне не быть в Андромеде или Кассиопее?! Заметим тут, что Андромеда или Кассиопея — созвездия, лежащие чуть не в диаметрально противоположной от Девы части неба.

Это весьма серьезное возражение, ставящее под сомнение точность определения не только дня, но и месяца. Однако мы и на это закроем глаза. Ведь мог же Морозов в конце концов угадать Солнце и Луну именно в Деве, а не в Андромеде.

Второе возражение состоит в следующем: изложение Морозовым «фактов» таково, что его абсолютно не интересуют никакие подробности Откровения, которые невозможно или очень трудно приложить к астрономии. К примеру, его нисколько не заботят шестая и седьмая печати книги. А там, между прочим, есть много такого, что полностью не подвластно буквальному пониманию. Взять

«факт», что столь любимые Морозовым «звезды небесные пали на землю» (Отк 6:13), и воспеваемое им «небо скрылось, свившись как свиток» (Отк 6:14).

Эти «факты» очевидно не интересны и неудобны Морозову. А что, собственно, ему интересно? — Только то, что относится к астрономии. А в результате получается, что весь смысл создания Откровения сводится к тому лишь, чтобы при помощи астрологии зашифровать дату его появления на свет. Представь себе, читатель, что ты полжизни потратил на разгадку многостраничной шифровки, а в результате получил всего лишь некую отвлеченную дату календаря... Все!!! Никакого другого смысла в существовании Откровения Морозов не видит и не хочет видеть.

В сочинении Морозова явно просматривается тот смысл, что автор Откровения, кем бы он ни был, просто вышел вечером из дому, обозрел небо, записал положения Марса, Сатурна и Юпитера, а после от нечего делать изложил эти астрономические факты в виде басенки-страшилки о конях и их всадниках. Все!!! Другого смысла у Морозова нет. Его нет даже в намеках. С такой точки зрения Иоанна нельзя счесть даже за дилетанта от астрономии.

Любой читатель не способный отличить Бетельгейзе от Ориона может по астрономическим таблицам определить положение планет на понравившийся ему день, обозначить их конями или котами, описать всадников или хоть кого, — кто с лирой, а кто с сыром, — и сварганить сказку. И это будет, по Морозову, введение в тайны древней астрономии?!

Но представим себе, что и дата определена верно, и понимать Откровение нужно только буквально, и что Морозов прав и во всем остальном. Это означало бы, что 30 сентября 395 года «прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Отк 21:1), остров Патмос двинулся со своего места (ср. Отк 6:14), а за отсутствием моря и островом быть перестал...

Как же случилось, что к нашим дням он снова стал островом? Каким образом нынешние небо и земля вернулись к бытию? И как случилось, что столь великие катаклизмы остались никем не замеченными???

А теперь самое главное. Мысль о том, что «Автор [Откровения] указывает... положение планет никак не для какого-либо грядущего года» стала для Морозова *idea fix*. Он считает ее столь самоочевидной, что не прилагает ни малейшего усилия для ее обоснования. Соответственно он и ищет указанное сочетание планет между III веком до Р.Х. и XVII веком нашей эры. Но ведь Откровение — книга эсхатологическая*. Она повествует о конце времен, о том даже, когда «времени уже не будет» (Отк 10:6), а вовсе не о 395 годе. По описанному виду звездного неба можно было бы определить даты, которые подозрительны на конец света. И они точно попали бы на грядущие годы не только с точки зрения автора Откровения, но и нашего читателя...

Одним словом, забудь читатель о 395 годе как о времени создания Откровения и смотри, как рассыпается слепленный Морозовым сфинкс. Раз Откровение создано не в IV веке, то нет и никаких оснований отрывать авторство у Иоанна Богослова, нет никаких оснований переселять евангельских пророков в IV век, нет никакого резона менять хронологию и переписывать историю...